УДК 94(474.3)«1920–1921»
94(44).083
94(47).084.3
94(493)
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00050

Т. Г. Зазерская

Неначавшаяся война и международное признание Латвии (декабрь 1920 — январь 1921 г.) (по французским и бельгийским архивным документам)

В конце Первой мировой войны политическое будущее Латвии было весьма неопределенным. После подписания Компьенского соглашения о перемирии немецкие войска оставались на территории страны, что в определенной мере устраивало западные державы, поскольку препятствовало распространению большевизма в Европе и оправдывало существование антибольшевистских сил, на возврат к власти которых надеялись лидеры Антанты.

В день подписания соглашения о перемирии 11 ноября 1918 г. лорд Бальфур передал Мейеровицсу официальное письмо, в котором правительство Великобритании признало правительство Латвии *де-факто*[1].

Через неделю, 18 ноября 1918 г., уже Народный совет Латвии провозгласил независимость страны, К. Ульманис возглавил Временное правительство, представлявшее антигерманские и антибольшевистские настроения латышской национальной элиты. Министр иностранных дел Латвии З. Мейеровицс обратился к главам европейских государств с просьбой о признании между-

народно-правового статуса страны, но безрезультатно. Позиция европейских стран в принятии решения о признании Латвии *де-юре* определялась политической целесообразностью и взаимодействием внешних факторов, связанных с побежденной Германией и большевистской Россией, которые не отказались от своих планов на Балтику и балтийский регион. Непрекращающиеся военные действия на территории Латвии, смена правительств и сложная внутриполитическая обстановка привели к тому, что Латвийское государство не было признано международным сообществом в качестве субъекта международного права. Лишь в августе 1920 г. последовало первое признание Латвии *де-юре* Советской Россией.

Не добившись согласия европейских государств на признание *де-юре*, латвийское правительство подало заявку на вступление в Лигу Наций. К осени 1920 г. казалось, что Латвия удовлетворяла условиям членства в Лиге Наций: при посредничестве Великобритании в целом были определены границы с Эстонией, Литвой и Польшей; границы с Россией были установлены мирным договором от 11 августа 1920 г.; вопросы транзита были оговорены в договорах с Россией и Германией. Однородный этнический состав населения подтверждали результаты переписи 1914 г.

Обсуждение кандидатуры Латвии на заседании Ассамблеи Лиги Наций в Женеве было назначено на 15 ноября 1920 г.

Однако накануне, 13 ноября 1920 г., в Лигу Наций поступило обращение барона А. Гейкинга, который от имени балтийских немцев отмечал нарушения прав национальных меньшинств в ходе аграрной реформы, в частности экспроприацию земель у крупных землевладельцев нелатышского происхождения[2].

При подготовке к заседанию Ассамблеи Лиги Наций латышские дипломаты активизировали контакты с западными коллегами. З. Мейеровицс в ходе встречи с главой французской делегации в Лиге Наций Ж. Гу просил о поддержке кандидатуры Латвии, настаивая на том, что в случае отказа в Латвии придет к власти партия, выступающая за союз с Советской Россией и Германией, что приведет к «объединению Германии и Советов»[3].

Поверенный в делах Латвии в Лондоне Г. Бисениекс обратился к послу Бельгии в Великобритании Л. Моншеру с просьбой поддержать кандидатуру Латвии при вступлении в Лигу Наций. Предварительно Л. Моншер сообщил в МИД Бельгии о позиции официального Лондона по этому вопросу: «Если в Москве на смену большевикам придет сильное правительство, то велика вероятность того, что русская империалистическая политика вновь поглотит отколовшиеся маленькие республики. Напротив, если Советская Россия продолжит свое существование, то, вероятно, было бы полезно в определенный момент сформировать против России конфедерацию или, скорее, группу республик-диссидентов. Это будет сделать гораздо сложнее в случае, если каждая из этих республик будет официально признана в качестве независимого государства»[4]. Сообщая о «неблагосклонной» позиции Великобритании

по вопросу о принятии в Лигу Наций Эстонии и «других подобных ей стран», Л. Моншер, подчеркнул, что признание новых членов Лиги Наций означает выполнение ст. 10 Устава Лиги Наций, предусматривавшей гарантии неприкосновенности границ государств — новых членов[5].

В результате 18 ноября 1920 г. министр иностранных дел Бельгии Л. Делакруа передал Президенту Лиги Наций бельгийцу П. Имансу следующие рекомендации по голосованию: «Эстония и Латвия обратились к Бельгии с просьбой поддержать их кандидатуры. По нашим данным, Великобритания отказывается поддержать эти кандидатуры; Италия поддерживает; Франция воздерживается. Бразилия, Испания, Греция проголосуют за единую позицию великих держав. Я разрешаю Вам проголосовать за вступление этих стран в Лигу Наций. Однако Вы можете принять иное решение в случае, если во время обсуждения данного вопроса на это появятся весомые причины»[6].

23 ноября 1920 г. латышский дипломат О. Гросвальдс также встретился с премьер-министром Франции Ж. Лейгом. Несмотря на официальное заявление Лейга о том, что Франция продолжит оказывать поддержку и выскажется за принятие Латвии в Лигу Наций[7], в шифротелеграмме, адресованной в Ригу, уточнялось: «Союзные державы полностью согласны с тем, что вступление Латвии в Лигу Наций, которое обязательно повлечет за собой признание страны *де-юре*, может быть осуществлено только с согласия законно сформированного русского правительства. Это [непременное] условие... вызвано лишь заботой о том, чтобы избежать принятия решения, которое может быть оспорено в будущем»[8].

16 декабря 1920 г. Генеральная Ассамблея Лиги Наций проголосовала против вступления Латвии в Лигу Наций[9]. Кандидатуру Латвии поддержали представители пяти государств — Италии, Португалии, Персии, Колумбии и Парагвая. Франция, Великобритания, Япония, Бельгия и еще 20 государств проголосовали против, 13 государств воздержались.

В Латвии вина за провал голосования на заседании Лиги Наций была возложена на Францию. «Вчера [19 декабря 1920 г.] перед особняком итальянской миссии в Риге две пехотные роты, студенты и молодежь музыкой и радостными возгласами приветствовали представителя Италии — страны, проголосовавшей за принятие Латвии в Лигу Наций. Звучали лозунги: "Да здравствует Италия! Долой Францию!"»[10] Эта демонстрация воспринималась как «явный протест против тех государств, которым Латвия доверила свою судьбу, но позиция которых в вопросе о принятии в Лигу Наций позорит их самих»[11].

25 декабря 1920 г. высокопоставленный сотрудник французского МИД де Перетти призвал французского консула в Риге передать правительству Латвии просьбу «использовать свое влияние на прессу и общественное мнение с тем, чтобы в будущем избежать подобные демонстрации... Время для выражения знаков незаслуженного недовольства [французским] правительством выбрано неудачно. Обращаясь к нам с просьбами о поставках вооружения, правитель-

ство Латвии показывает, что именно от Франции оно ждет помощь, необходимую для обеспечения безопасности страны»[12].

Накануне, 24 декабря 1920 г., в Париже премьер-министр Франции Ж. Лейг принял Мейеровицса и Гросвальдса. В ходе переговоров министр иностранных дел Латвии, очевидно, выдвигал те же аргументы, что и во время беседы с Жаном Гу, высказывая обеспокоенность позицией Франции, отсутствие поддержки которой может привести к смене правительства в Латвии и к приходу к власти партии, выступающей за союз с Советами и Германией и за немедленное установление прочных отношений между Советской Россией и Германией[13].

Возможный союз между Россией и Германией, недавние действия Красной армии в Польше и согласие литовской стороны предоставить Советской России право вести военные действия против польских войск на оккупированной Польшей территории Литвы[14] вызывали беспокойство западных политиков.

Кроме того, судьбу балтийских стран определяло и будущее Польши. Еще в конце июля 1920 г. на переговорах между главами правительств Великобритании и Франции Д. Ллойд Джордж заявил: «Если мы оставим Польшу наедине с большевиками, она будет разгромлена. [Когда] большевики объединятся с немцами, союзники окажутся в чрезвычайно серьезной ситуации. Франция и Великобритания хотят одного: прежде всего, спасти Польшу; как только мы этого добьемся, можно будет продолжать обсуждение других вопросов»[15]. Десять дней спустя на встрече глав правительств Франции и Великобритании при обсуждении вопроса о возобновлении торговых переговоров с Россией Ллойд Джордж признался премьер-министру Франции А. Мильерану, что «источником всех бед [является] Польша, поляки. Если бы Советы начали [войну], то мы могли бы выслать [членов делегации] К[аменева] и К[расина]. Надо сделать выбор между Пилсудским и К[расиным]»[16]. В результате было принято решение возобновить блокаду Советской России при участии малых, так называемых окраинных государств. Военная поддержка Франции и Великобритании позволила польским войскам перейти в контрнаступление, закончившееся отступлением Красной армии в середине августа 1920 г.

Под давлением стран-союзниц 7 октября 1920 г. в Сувалках было подписано временное перемирие между Литвой и Польшей, но спустя два дня Вильно был вновь занят польскими войсками, формально подчинявшимися польскому генералу Л. Желиговскому. Последний провозгласил создание на оккупированной части Виленской области нового государственно-территориального образования под названием «Срединная Литва».

Вслед за подписанием 12 октября 1920 г. прелиминарного мирного договора с Польшей наркоминдел предложил вновь приступить к торговым переговорам с Великобританией, которые возобновились в конце ноября 1920 г.

Однако захват Желиговским Виленской области изменил ход событий. В связи с этим Г. В. Чичерин обратился в Политбюро ЦК РКП(б), изложив запрос полпреда РСФСР в Литве А. Е. Аксельрода о возможности

предоставления военного снаряжения Латвии и Литве по их просьбе в случае, если Желиговский начнет наступление на Ковно: «Латвия обещает в таком случае послать войска на помощь Литве. Дело в том, что против Желиговского Антанта [ни] Латвии и [ни] Литве помогать не будет. Они, таким образом, будут страдать недостатком военного вооружения. От нас поэтому хотят знать, окажем ли мы помощь хотя бы военным снаряжением соединениям Латвии и Литве против Желиговского... Вопрос заключается единственно в том, целесообразно ли давать оружие Латвии, правительство которой не порвало с белогвардейцами. Наркоминдел полагает, что военное снаряжение могло бы быть выдано во временное пользование... Белогвардейцам или Латвии для белогвардейцев Антанта всё равно будет помогать, так что военное снаряжение они всё равно будут получать. Между тем, оставить Латвию и Литву безоружными против Желиговского крайне нецелесообразно»[17]. В дополнение 6 декабря 1920 г. Аксельрод сообщал Чичерину: «В общей границе с Советской Россией Литва видит спасение от Польши и от притязания Антанты на Литву. Французские газеты забили тревогу, говорят о занятии нами Вильно. Думаю, что это сами литовцы распространяют эти сведения для того, чтобы запугать Антанту»[18]. Очевидно, литовские политики имели прямые связи с французскими журналистами, добиваясь от последних подходящей трактовки событий в свою пользу.

Озабоченность советского руководства объяснялась также тем, что на территории, оккупированной Желиговским, «мятежники из разгромленных банд Савинкова, Балаховича и других находят себе приют, <...> где им предоставляется возможность организоваться в новые вооруженные отряды, подготовляющие нападение на Российскую республику. Территория Желиговского является также местом, куда, по сведениям, стекаются и различные белогвардейские элементы из прибалтийских республик, стремящиеся возобновить борьбу против трудовых масс России и их рабоче-крестьянского правительства»[19].

Эти опасения подтверждались сведениями Полевого штаба Реввоенсовета Республики: «Савинков возлагает надежды на возобновление военных действий весной [1921 г.] между Польшей и Советской Россией, по инициативе последней. В таком случае русская армия выступает с национальными лозунгами одновременно с польской армией под общим руководством последней, но формально самостоятельно. Если же Советская Россия войны не начнет, Савинков выступает самостоятельно... Финансовая поддержка со стороны Франции обеспечена... Французское правительство больше Врангеля поддерживать не намерено...[20] Савинкова считают лицом наиболее подходящим для политического проведения нового плана похода на Советскую Россию»[21].

В свою очередь в середине декабря 1920 г. глава польской делегации на мирных переговорах в Риге Я. Домбский обвинил правительство РСФСР в том, что оно ищет предлог для нарушения подписанных им обязательств, поскольку вопрос о принадлежности спорных территорий между Польшей и Литвой

«подлежит разрешению исключительно между Польшей и Литвой». Через два дня в ответной ноте глава советской делегации по переговорам о мире с Эстонией, Латвией и Литвой А. А. Иоффе заявил, что концентрация враждебных советским республикам сил на территории, занятой войсками генерала Желиговского и не принадлежащей Польше, представляет опасность для России, Украины и Белоруссии[22].

Подготовка войск Желиговского к наступлению на Ковно и увеличение численности антибольшевистских сил в Виленской области, возможно, и стали поводом, вызвавшим концентрацию соединений Красной армии на границах Латвии для последующего передвижения войск на территорию Литвы, с которой в то время Советская Россия не имела общей границы.

В середине декабря 1920 г. вдоль границы с Латвией было отмечено сосредоточение войск Красной армии численностью около 40 тыс. чел., из которых — 10 тыс. кавалеристов. Первоначально французский консул в Риге воспринял концентрацию большевистских войск как «обычную акцию запугивания»[23], поскольку 14 декабря 1920 г. Советская Россия ратифицировала мирный договор с Латвией.

Тем не менее 18 декабря 1920 г. Ульманис в беседе с представителем американской военной миссии в Латвии подтвердил всю серьезность ситуации: «"Мы не верим в искренность заявлений Ленина и с беспокойством наблюдаем за переговорами в Лондоне".[24] ...Ульманис считает, что единственным положительным моментом англо-большевистских переговоров является передышка в действиях против Латвии, поскольку Рига была бы в этом случае перевалочным пунктом этих торговых операций. Ульманис опасается, что большевики выставят на передний фронт против Латвии свои латышские батальоны, усиленные русскими [красноармейцами] под видом латышей. Глава бывшей советской республики [Петерис] Стучка в данный момент уже находится в Пскове»[25].

В связи с обострением положения 25 декабря 1920 г. в шифротелеграмме консул Франции в Риге Р. Бинэ просил отправить как можно скорее в Рижский залив военные корабли союзников, с тем чтобы поднять моральный дух латышских солдат, а также, в случае необходимости, принять на борт иностранцев[26]. С подобной же просьбой обратился в Вашингтон посланник США в Латвии[27].

По информации дипломатического представителя Литвы, советский полпред в Латвии Я. С. Ганецкий 27 декабря 1920 г. заявил, что «в Москве было принято решение атаковать Латвию», но не сообщил, когда это произойдет[28].

В тот же день министр внутренних дел Латвии поставил в известность французского консула о том, что количество большевистских войск на границе увеличивается с каждым днем и достигло уже 60 тыс. чел., причем ожидается прибытие еще 200 тыс. военных[29]. Латвийский министр обещал французскому дипломату продолжать борьбу, но при условии предоставления французским правительством вооружения и боеприпасов, и добавил, что это нужно сделать срочно, поскольку атака может начаться в середине января 1921 г.[30]

В ответной телеграмме французского МИД сообщалось, что очередные поставки вооружения будут осуществлены лишь после полной выплаты правительством Ульманиса 5 млн франков за предыдущие поставки вооружения[31]. Консул Франции немедленно телеграфировал в Париж, что в случае, если обещанное вооружение не поступит в Латвию, долги будет возвращать некому, а «большевики окажутся на берегах Балтийского моря, чтобы протянуть руку немцам»[32].

В очередной шифротелеграмме 27 декабря 1920 г. консул Бинэ сообщал: «В соответствии с данными, полученными нашей военной миссией, вчера вечером многочисленные группы большевиков пересекли границу. После рекогносцировки местности они вернулись в расположение своих частей. Столкновений не было. [Кроме того,] американский военный атташе беседовал вчера с начальником [латвийского] Генштаба. Вначале последний попытался скрыть правду, но в результате признался, что ситуация очень серьезная, добавив, что сопротивление продлится недолго»[33].

Одновременно в Париж пришло новое сообщение со ссылкой на американских дипломатов: «Латышские офицеры считают, что большевистская атака произойдет в течение месяца. Поляки и другие лица, прибывшие из России, заявляют, что Эстония будет атакована 26 декабря, а Латвия — примерно 15 января. Это совпадает с информацией, полученной из французских источников, которые, как и датчане, воспринимают сложившуюся ситуацию очень серьезно. Продолжается концентрация большевистских войск, состоящих из латышских и эстонских коммунистов и самоходной артиллерии на границах балтийских государств... Анализ сведений из многочисленных источников показывает, что большевики, под прикрытием лозунгов о мире, готовят военное наступление против балтийских провинций»[34].

С каждым днем обстановка в Риге накалялась. 28 декабря 1920 г. верховный комиссар Франции в балтийских странах де Сартиг встретился с Ульманисом: «Обычно спокойный и уверенный в себе Ульманис в этот день с трудом сдерживает эмоции: “Вот к чему привела политика союзных правительств, которые отказываются признать Латвию и помочь нам”»[35]. После этой встречи де Сартиг также обратился с просьбой в Париж немедленно послать военный корабль, пока Рижский залив еще не покрылся льдом; «лишь эта мера позволит латышскому правительству и французской военной миссии остаться на месте и до конца выполнить свой долг»[36].

В тот же день в Москве в Латышский отдел Наркомнаца поступила телеграмма Информационного отдела Наркомнаца с предложением «в срочном порядке доставить все имеющиеся материалы (доклады, сводки — оригиналы и пр.) по вопросу о белогвардейских и польских зверствах»[37], что свидетельствовало о начинающейся подготовке массовой информационной кампании.

Французский полковник Ш. Аршен подробно описал состояние дел на границе и настроения, царившие среди членов французской военной миссии в Риге:

«Министр иностранных дел Латвии подтвердил нашему консулу всю серьезность нынешней ситуации. По его словам, большевики продолжают наращивать войска на латвийской границе. Сюда будет переброшена VI большевистская армия (200 тыс. человек) для того, чтобы начать наступление в середине января... В данный момент обеспечение латвийской армии — 500–600 патронов на человека. Латвийское правительство с нетерпением ожидает из Франции недавно запрошенное вооружение... Несмотря на мирные заявления Ленина на Восьмом съезде [Советов][38], ситуация остается серьезной в Эстонии и Латвии, где ждут [со дня на день] атаки большевиков. Начальник латвийского Генштаба подтверждает, что армия не сможет оказать сопротивление. По сведениям из серьезного источника, латышские пограничники братаются с большевистскими пограничниками. Гарнизон в Режице уже заражен [большевистскими идеями]. Два или три отряда большевиков в ночь с 24 на 25 декабря беспрепятственно проникли на территорию Латвии без какой-либо проверки. Большевистские отряды, каждый численностью по 200 человек, стоят на границе. Только что из Пскова прибыли грузовики и бронемашины. 12 легких орудий и 10 тяжелых орудий прибыли из Гатчины. Большевистское наступление предполагается начать 2 января. Практически очевидно, что начало атаки совпадет с революционным движением в Эстонии и Латвии (в частности в Риге, Либаве, Митаве). В этом случае французская военная миссия будет немедленно арестована, за нами уже сейчас следят местные коммунисты, и мы не сможем ничего сделать. Лично я и сотрудники военной миссии переместимся в Стокгольм, как только я сочту это необходимым... Консул Франции принимает меры для эвакуации французских граждан. Американский посланник попросил свое правительство послать крейсер»[39].

На следующий день Аршен сообщил в Париж о решении эвакуировать архивы: «Ситуация в Латвии остается критической. Большевики укрепляют латышский фронт тремя крупными отрядами латышей, прибывшими из Москвы. Латышские погранвойска всё более подвержены [большевистской] пропаганде. Среди войск в Риге большевики ведут очень грамотную пропаганду. Сегодня состоится забастовка электриков в Риге, ожидаются перебои с водой и забастовки на железной дороге. Количество латышских коммунистов увеличивается, возрастает недовольство нынешним правительством. Подтверждаются слухи, что большевистское наступление в начале января вызовет революционное движение внутри страны. Деятельность военной миссии становится всё более сложной: обеспокоенные агенты больше не представляют информацию, радиопередачи перехватываются, весь персонал миссии находится под прямым наблюдением вражеских агентов. В этих невыносимых условиях местная полиция неспособна что-либо сделать. В сложившихся условиях я отсылаю 29 декабря <...> коробки с архивами, пишущие машинки и крупный багаж»[40].

По сведениям французской разведки, все охвачены страхом не только перед лицом скорой большевистской атаки, но и перед действиями местных

коммунистов, которым некому противостоять, поскольку нет уверенности в латышской армии — армии голодной, плохо вооруженной, с большим количеством недовольных солдат. Выводы были неутешительны: «Подтверждается опасение, что положение Латвии и соседних балтийских государств настолько неустойчиво, что при малейшей большевистской атаке они рассыпятся, как карточный домик»[41].

Сложившаяся ситуация объяснялась тем, что в Москве создалось впечатление, что отказ в приеме в Лигу Наций означал отсутствие интереса к балтийским государствам со стороны великих держав, и что «теперь Москва может себя вести, как ей вздумается, не беспокоясь о мнении Антанты. Такова точка зрения посланника Латвии в Москве, такое же мнение высказал в Ковно большевистский офицер в разговоре с членом американской миссии Красного креста»[42].

Однако осведомленный информатор сообщил, что достоверных данных, свидетельствующих об угрозе военных действий, нет, а слухи о большевистском вторжении распространяют сами члены французской военной миссии: «В Риге всё спокойно. Консул Франции держится хорошо, лишь члены французской военной миссии полностью потеряли голову после распространения ими самими тревожных известий... По сведениям, полученным от информированного источника, граница не была нарушена ни разу, иначе это было бы замечено в приграничных деревнях. В каждой деревне есть хоть один еврей, а то, что увидит один еврей, на следующий день узна́ют все остальные евреи»[43].

Уже 1 января 1921 г. консул Франции сообщил в Париж о некоторых признаках улучшения ситуации: «В соответствии с полученной проверенной информацией некоторые части большевиков, сконцентрированные на латышской границе, только что отведены от границы»[44]. Однако это не означало, что угроза вторжения была полностью снята. Посол Латвии в Москве, спешно вернувшийся в Ригу, в частной беседе высказал мнение, что «война против Польши обязательно и без сомнения начнется в феврале. Латвия и Эстония, вероятно, будут атакованы в то же самое время, если даже не раньше. В комиссариате иностранных дел относятся несерьезно к мирным переговорам в Риге[45]. Сам г-н Чичерин говорил об этом со смехом, издеваясь над послом Латвии»[46]. При этом «большевики намереваются спровоцировать войну с Эстонией, вызвав огонь по своим подразделениям со стороны эстонской артиллерии, которая, при необходимости, будет оплачена большевиками, чтобы создать видимость того, что большевистские подразделения были атакованы эстонцами»[47]. Послу Латвии вторил американский дипломат, цитируя представителя Литвы, который ежедневно встречался с Иоффе: «...большевистское наступление на Латвию начнется в ближайшее время»[48].

Несмотря на некоторое улучшение ситуации на границе, французские дипломаты по-прежнему сомневались, что опасность полностью миновала, поскольку «при нынешнем обеспечении вооружением, латышские войска смогут

противостоять серьезной атаке большевиков лишь несколько дней, пока волнения внутри страны не сделают напрасным вооруженное сопротивление»[49]. В телеграмме в Париж было вновь высказано пожелание обеспечить французские боевые корабли в Балтийском море топливом, чтобы по первому требованию они могли подойти к Риге.

3 января 1921 г. первый секретарь посольства Латвии в Польше П. Олиньш в беседе с офицером французской миссии заявил, что его правительство больше не рассматривает сложившуюся ситуацию как критическую. Это подтверждала и депеша МИД Латвии от 3 января 1921 г., в которой были опровергнуты циркулировавшие в прессе слухи о панике в Риге и о нарушении большевиками границы: «Отмеченная концентрация войск на латышской границе, в соответствии с информацией Генштаба Латвии, — лишь случайная угроза для балтийских государств... Количество войск не превышает 40 тыс. человек... Скорее всего, [предполагается их переброска] на польский фронт». По заявлению Олиньша, подобные тревожные слухи выгодны прежде всего Советам, антибольшевистским силам и Германии, которая «изо всех сил ищет любой повод не разоружаться под предлогом большевистской угрозы. Поэтому вполне возможно предположить, что речь идет о сговоре Германии и Москвы»[50].

Несколько иное объяснение было дано начальником Генштаба Латвии офицеру французской военной миссии: «Вследствие теплой зимы и высокой температуры воздуха приграничные болота покрыты водой, что сделало большевистское наступление невозможным». Однако «ситуация остается весьма неопределенной и может измениться в любой момент»[51].

Эта точка зрения показалась консулу Франции правдоподобной. Поскольку Латвия и Эстония «зависят от милости большевиков, лишь военно-оборонительный союз этих государств с Польшей позволит им продолжать оказывать сопротивление и избежать, таким образом, неминуемого краха»[52].

В очередной еженедельной французской сводке разведданных по Латвии были подведены итоги неначавшейся войны: «Беспокойство, вызванное угрозой большевистской атаки, исчезло так же быстро, как и появилось. Но все те, кто стал свидетелем этой опасности, вдруг осознали хрупкость строения Латвийского государства и балтийских государств в целом. Возникает вопрос, как можно укрепить фундамент этого сооружения и подготовиться к будущим угрозам?»[53]

В свою очередь в телеграмме, адресованной Г. В. Чичерину, А. А. Иоффе обвинил Францию в намерении специально создать в Латвии ощущение предвоенной обстановки «в целях создания впечатления нашей агрессивности... Франция, севшая в лужу в Женеве[54], как бы говорит всем нашим соседям: Смотрите, большевики не лучше нас, они, как только стали посильнее, немедленно начали поход против Эстонии, Латвии и Польши, но ничего не дают Польше из того, что пообещали»[55].

В том же духе А. А. Иоффе опроверг в интервью слухи о якобы готовящемся наступлении России на Латвию и о концентрации сил Красной армии на российско-латвийской границе, отказавшись от приписанных ему во Франции слов о том, что «положение России настолько улучшилось, что она теперь не намерена выполнять своих обязательств»[56]. На следующий день дипломатическим представителям Советской России за границей была послана телеграмма, в которой вина за распространение панических настроений была возложена на Францию: «Последние радио американских корреспондентов говорят о необычайно якобы серьезной опасности со стороны большевиков для соседних государств... "Тан"[57] сообщает, по официальным французским сведениям, якобы, большевики грозят безопасности Латвии, и в этом смысле посылает сообщения французская военная миссия из Риги. Все эти грубые лживые сообщения исходят из французских источников, причем "Тан" требует, чтобы союзники немедленно прислали в Балтийское море военные суда... Пожалуйста, заявите официально протест против этой злостной кампании, исходящей из французских источников... Теперь, с переходом на мирное положение [у нас] начинает происходить... демобилизация, теперь же они [части] рассредоточены и отчасти направлены на зимние квартиры в юго-западную область Украины, <...> между тем как раньше они были сосредоточены с известной военной целью в определенных направлениях. Этим рассредоточением и равномерным распределением в мирных целях объясняются передвижения войск, которым воспользовались авторы клеветнических сообщений для возбуждения против нас мирно сожительствующих с нами соседних государств»[58]. Возможно, телеграмма Г. В. Чичерина была связана с тем, что текст англо-советского торгового соглашения был практически готов для подписания[59], а установление торговых отношений с Великобританией, означавшее фактическое признание Советской России, было для советского правительства значительно важнее, чем начало новых военных действий с малыми соседними государствами[60]. Но если Великобритания была заинтересована в налаживании отношений с Советской Россией, то Франция продолжала поддерживать противников большевизма. В этих условиях правительство Ульманиса умело использовало в своих целях страх большевистской угрозы и практически немедленно добилось международного признания страны.

3 января 1921 г. премьер-министр и министр иностранных дел Франции Ж. Лейг поставил в известность представительства Франции в балтийских государствах об инициативе французской стороны пересмотреть позицию в отношении признания Латвии *де-юре*[61], о чем было сообщено латышской стороне 17 января 1921 г.[62]

22 января 1921 г. новый министр иностранных дел Франции А. Бриан предложил маршалу Ф. Фошу рассмотреть вопрос о поставках вооружений соседним с Россией государствам, в том числе и Латвии, которые «могут подвергнуться возможной атаке со стороны большевиков»[63].

26 января 1921 г. в Париже состоялось заседание глав правительств Верховного союзного совета, на котором присутствовали премьер-министр Великобритании Д. Ллойд Джордж, государственный секретарь по иностранным делам лорд Керзон, премьер-министр и министр иностранных дел Франции А. Бриан, министр иностранных дел Италии граф К. Сфорца, министр иностранных дел Бельгии А. Жаспар, посол Японии в Париже виконт Исии и другие высокопоставленные дипломаты. На заседании обсуждался вопрос о признании *де-юре* балтийских стран, а также Грузии и Азербайджана[64].

Генеральный секретарь МИД Франции Ф. Бертело во вступительной речи заявил, что союзные страны, считая неправомочным совместно участвовать в разделе территорий России, до последнего дня отказывали этим странам в признании *де-юре* в надежде на то, что Россия напрямую договорится с государствами, появившимися на ее бывшей территории. Однако эти надежды не сбылись, и Россия еще долго не сможет восстановить свою территориальную целостность. После разрешения Лиги Наций допустить представителей этих стран к работе в ее технических комиссиях у этих стран вновь появилась надежда на признание *де-юре*, к чему благосклонно относятся Италия и Франция.

Во время дискуссии лорд Керзон высказал несогласие с Ф. Бертело, объяснив свою позицию тем, что признание государства *де-юре* означает членство в Лиге Наций, что подразумевает выполнение обязательств остальными странами — членами Лиги Наций по защите границ этих государств: «Объектом притязаний со стороны Советской России являются порты малых государств, образовавшихся на окраинах бывшей Российской империи. Но вследствие малочисленности населения эти государства не смогут выстоять перед угрозой “большевистского империализма”. Поэтому со стороны стран-союзниц было бы весьма опрометчиво выступать гарантом границ, надежность которых весьма сомнительна». Наилучшим решением, по мнению лорда Керзона, стало бы немедленное признание лишь Эстонии и Латвии, однако предпочтительно отложить решение этого вопроса на более поздний срок[65]. Министр иностранных дел Бельгии А. Жаспар поддержал лорда Керзона, предложив дождаться разрешения литовского вопроса.

Министр иностранных дел Италии К. Сфорца, напротив, высказался за признание балтийских государств, отметив, что даже Россия их признала. «Нам нет необходимости, — отметил Сфорца, — изображать из себя более русских, чем сами русские»[66]. Что касается Японии, то виконт Исии заявил, что у его страны нет никаких особых причин не признать *де-юре* балтийские государства. Несмотря на доводы Керзона, Ллойд Джордж присоединился к мнению стран-союзниц.

Усилия латвийской дипломатии увенчались успехом. 26 января 1921 г. Верховный союзный совет признал *де-юре* Латвийское государство. В сообщении из Парижа консулу Франции в Риге было особо подчеркнуто, что «данное решение является результатом инициативы, предпринятой Францией»[67].

В Риге телеграмма о признании Латвии *де-юре*, «неожиданно всколыхнувшая политические будни, застала широкие общественные круги врасплох, произвела впечатление *deus ex machina*[68], спускающегося с облаков для спасительного разрешения назревающих недоразумений»[69].

Правительство Польши сообщило о признании Латвии *де-юре* в конце января 1921 г., однако текст официального признания был датирован 31 декабря 1920 г.[70] В рижской прессе высказывалось недоумение, «каким образом телеграмма международного значения могла задержаться целый месяц на телеграфе и, в силу чуда, прибыть в Ригу как раз в тот же день, когда за признание высказался Париж». Польское бюро печати сочло нужным объяснить, что решение, принятое польским кабинетом еще в декабре 1920 г., только в январе было отправлено в Ригу[71].

Что касается США, то госдепартамент заявил, что решение Верховного совета союзных держав о признании Латвии и Эстонии не согласуется с политикой Америки по русскому вопросу[72].

Немедленным итогом признания *де-юре* стали полученные из Москвы сведения об «отказе России от агрессивных планов в отношении к Латвии и соседних стран»[73].

Политические последствия международного признания Латвии были очевидны. Осуществление идеи Ж. Клемансо о создании санитарного кордона вокруг Советской России позволило Франции отдалить побежденную Германию от большевистской России и создать условия для политической стабильности в странах балтийского региона, гарантировать безопасность и предоставить конкретную экономическую помощь. Более того, признание Латвии *де-юре* давало Франции надежду, что латвийское правительство заплатит за предоставленное в течение трех лет вооружение, снаряжение и военную технику.

Латвийский министр иностранных дел З. Мейеровицс воспринимал идею санитарного кордона несколько иначе. По сведениям французской разведки, в узком кругу он заявлял, что Латвия должна смириться с мыслью о том, что надо жить в мире с правительством Советов. «Мейеровицс уверен, что ни одно из европейских государств не придет на помощь Латвии в случае нападения большевиков. Европу интересует лишь одно: Латвия, вместо того, чтобы служить колючей проволокой, должна выполнять роль посредника между Россией и западными державами... Действительно, некоторым державам временно выгодно торговать с Советами через окраинные государства, видя отвращение, которое они испытывают при прямом контакте с большевистской Россией»[74].

Становилось ясно, что Латвия является заложником большой политики ее великих союзников и не имеет никаких шансов на самостоятельный выбор пути в отношениях с европейскими странами.

[1] 10 января 1919 г. Латвийское правительство также признала Япония, но, как и Великобритания, с оговоркой, что признание де-юре последует после окончательного решения вопроса Парижской мирной конференцией.

[2] Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France (Архив министерства иностранных дел Франции). (Далее: AAE). 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. (Август 1920 — декабрь 1922)». [Положение аристократии в Курляндии, 13 ноября 1920 г.]

[3] Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. (Далее: DDF) 1920: Vol. 3. Tome III. P. 328–329. [Жан Гу — генеральному секретарю МИД Франции Бертело, 24 ноября 1920 г.]

[4] Archives du Ministère belge des Affaires étrangères (Архивы бельгийского министерства иностранных дел) (Далее: A.M.B.A.E.). Série Générale "Politique". P. 5426A. [Запись беседы посла Бельгии Моншера с Айре Кроу, 2 ноября 1920 г.]

[5] A.M.B.A.E. P. 5426A. [Моншер — министру иностранных дел Бельгии, 3 ноября 1920 г.]

[6] A.M.B.A.E. P. 5426A. [Делакруа — Имансу, 18 ноября 1920 г.]

[7] AAE. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Телеграмма из Берна. 28 ноября 1920 г.]

[8] AAE. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 —декабрь 1922». [Де Перетти — консулу Франции в Риге, послам Франции в Лондоне, Варшаве, Берлине, 4 декабря 1920 г.]

[9] La Première Assemblée de la Société des Nations. Lausanne. Payot, 1921. P. 19.

[10] AAE. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Бинэ — МИД Франции, 20 декабря 1920 г.]

[11] Демонстрация в честь Италии // Latvijas Vēstnesis. 1920. 20 декабря.

[12] AAE. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Де Перетти — консулу Франции в Риге, 25 декабря 1920 г.]

[13] AAE. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Внешняя политика. Латвия. Август–декабрь 1920». [Жан Гу — МИД Франции, 22 декабря 1920 г.]

[14] Документы внешней политики СССР. Т. III. М., 1959. С. 41 (Далее: ДВП СССР).

[15] DDF. 1921: Vol. 5. Tome II. P. 428–430. [27 июля 1920 г.]

[16] DDF. Annexes. P. 438–440. [Записи Мильерана (во время встречи с Ллойд Джорджем) в г. Хит, 9 августа 1920 г.]

[17] РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 9. Л. 105. [Записка Г. В. Чичерина в ПБ ЦК РКП(б) по поводу запроса А. Аксельрода о возможности предоставления Латвии и Литве военного снаряжения, 3 декабря 1920 г.]

[18] Там же. Л. 16. [Записка А. Е. Аксельрода по поводу внутриполитического положения в Литве, 6 декабря 1920 г.]

[19] ДВП СССР. Т. 3. С. 380–381. [Нота Председателя российско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей Председателю Польской делегации Домбскому, 11 декабря 1920 г.]

[20] В ноябре 1920 г. войска Врангеля были разбиты Красной армией. 22 ноября 1920 г. Франция отказалась от признания правительства Врангеля де-факто, о чем было сообщено верховному комиссару Франции в Константинополе. DDF. 1920: Vol. 3. Tome III. P. 311. [Лейг — Дефрансу, верховному комиссару Франции в Константинополе, 22 ноября 1920 г.]

[21] Справка Полевого штаба РВСР о деятельности Б. Савинкова по созданию «русской» армии, не ранее 1 декабря 1920 г. // Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сб. док-тов и мат-лов. / Сост. Г. Ф. Матвеев, З. Карпус и др. М.; СПб.: Летний сад, 2004. С. 418.

[22] ДВП СССР. Т. III. С. 385–387. [Нота Председателя российско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей Председателю Польской делегации Домбскому, 16 декабря 1920 г.]

[23] Service historique de la Défense. (Военные архивы Франции). (Далее: SHD). 6 N 125. Папка «Рига. МИД Франции». [Шифротелеграмма консула Франции в Риге Р. Бинэ, 16 декабря 1920 г.]

[24] Имеются в виду переговоры Красина в Лондоне по поводу заключения торгового соглашения с Великобританией.
[25] SHD. 6 N 125. Папка «Рига. МИД Франции». [Шифротелеграмма Бинэ, 18 декабря 1920 г.]
[26] AAE. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Шифротелеграмма де Сартига, 29 декабря 1920 г.]
[27] Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. III. Russia. P. 667. [Телеграмма уполномоченного США в Риге Янга Госсекретарю США, 27 декабря 1920 г.]
[28] AAE. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Шифротелеграмма де Сартига, 27 декабря 1920 г.]
[29] AAE. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Бинэ — МИД Франции, 27 декабря 1920 г.]
[30] SHD. 6 N 125. Папка «Рига. МИД Франции». [Шифротелеграмма Бинэ, 27 декабря 1920 г.]
[31] AAE. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Латвия. Внешняя политика. Август 1920 — декабрь 1922». [Бинэ — МИД Франции, 27 декабря 1920 г.]
[32] SHD. 7 N 2780. Папка «Телеграммы МИД. Латвия. 1919–1922». [Бинэ — МИД Франции, 27 декабря 1920 г.]
[33] Там же.
[34] AAE. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Внешняя политика. Латвия. Август–декабрь 1920». [Сведения из американского источника, 27 декабря 1920 г.]
[35] SHD. 7 N 2780. Папка «Латвия. 1919–1921». [Де Сартиг — Бриану, 18 января 1921 г.]
[36] SHD. 7 N 2780. Папка «Телеграммы МИД. Латвия. 1919–1922». [Радиотелеграмма де Сартига, 29 декабря 1920 г.]
[37] ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 889. Л. 65 — 65 об. [Телеграмма Информационного отдела Наркомнаца в Латышский отдел Наркомнаца, 28 декабря 1920 г.]
[38] В. И. Ленин на Восьмом съезде Советов заявил: «Есть серьезная надежда, что в ближайшее время мы будем в тесных экономических сношениях с Латвией, которая при товарообмене с Западной Европой, понятное дело, будет еще более полезна для нас, чем Эстония и другие граничащие с РСФСР государства» (ДВП СССР. Т. III. С. 426. [Из доклада В. И. Ленина о деятельности Совета Народных Комиссаров VIII Съезду Советов, 22 декабря 1920 г.]).
[39] SHD. 6 N 132. Папка «Рига. Латвия. Телеграммы». [Аршен — Генштаб Франции, 28 декабря 1920 г.]
[40] SHD. 6 N 125. Папка «Либау. Дю Паркэ». [Аршен — Генштаб Франции, 29 декабря 1920 г.]
[41] SHD. 7 N 2779. Папка «Разведсведения. Стокгольм». [Отчет о разведсведениях № 14. Латвия, 27 декабря 1920 г.]
[42] AAE. 98 CP COM. Z. 659/3. Папка «Внешняя политика. Латвия. Август–декабрь 1920». [Де Сартиг — МИД Франции, 31 декабря 1920 г.]
[43] SHD. 7 N 2780. Папка «Латвия. 1919–1921». [Обстановка в Эстонии и Латвии, 30 декабря 1920 г.]
[44] AAE. 98 CP COM. Z. 659/2. Папка «Внешняя политика. Латвия. 1921». [Бинэ — МИД Франции, 1 января 1921 г.]
[45] Речь идет о подготовке к заключению Рижского мирного договора 1921 г. с Польшей. Рижский договор был подписан 18 марта 1921 г.
[46] AAE. 98 CP COM. Z. 659/2. Папка «Внешняя политика. Латвия. 1921». [Бинэ — МИД Франции, 1 января 1921 г.]
[47] Там же.
[48] SHD. 6 N 125. Папка «Либау. Дю Паркэ». [Аршен — Генштаб Франции, 2 января 1921 г.]
[49] AAE. 98 CP COM. Z. 659/2. Папка «Внешняя политика. Латвия. 1921». [Де Сартиг — МИД Франции, 1 января 1921 г.]
[50] SHD. 7 N 2779/1. Папка «Документы французской военной миссии в Варшаве. Латвия». [Сведения, полученные офицером 2-го бюро французской военной миссии в Варшаве, 5 января 1921 г.]
[51] AAE. 98 CP COM. Z. 659/2. Папка «Внешняя политика. Латвия. 1921». [Бинэ — МИД Франции, 5 января 1921 г.]

[52] Там же.
[53] SHD. 7 N 2779/1. Папка «Разведсведения. Латвия». [Отчет о разведсведениях N°16. Латвия, 10 января 1921 г.]
[54] Речь идет об отказе принять Латвию в Лигу Наций.
[55] РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 38. Л. 231. [Иоффе — Чичерину, 6 января 1921 г.]
[56] ДВП СССР. Т. III. С. 454–455. [Интервью председателя российско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей директору латвийского телеграфного агентства, 8 января 1921 г.]
[57] «Тан» (*Le Temps*) — французская ежедневная газета (1861–1942).
[58] ДВП СССР. Т. III. С. 462–464. [Телеграмма народного комиссара иностранных дел РСФСР советским дипломатическим представителям за границей, 9 января 1921 г.]
[59] Накануне подписания англо-советского договора // Сегодня. 1921. 4 января.
[60] В декабре 1924 г. на границе с Эстонией была проведена схожая акция: сосредоточение красноармейских частей и их неожиданный отзыв. Подробнее см.: *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Москва и страны Балтии: опыт взаимоотношений, 1917–1939 гг. // Страны Балтии и Россия: общества и государства. Вып. 3. М., 2002. С. 228.
[61] DDF. 1920: Vol. 3. Tome III. P. 545. [Лейг — де Сартигу, послам Франции в Варшаве, Стокгольме, Хельсингфорсе и Берлине, 3 января 1921 г.]
[62] AAE. 98 CPCOM. Z. 659/2. Папка «Внешняя политика. Латвия. 1921». [Де Сартиг — Бриану, 17 января 1921 г.]
[63] DDF. 1921: Vol. 4. Tome I. P. 37–38. [Бриан — Фошу, 22 января 1921 г.]
[64] DDF. Annexes. P. 533–538. [Отчет о заседании союзнической конференции глав правительств в Париже, 26 января 1921 г.] На французском языке документ был впервые опубликован в 2005 г. Ранее был опубликован в Великобритании в 1967 г. См.: Documents on British Foreign policy. 1919–1939. First Series. Vol. XV. International Conferences and Conversations. 1921. London, 1967. P. 49–55. При сравнении текстов документов отмечаются некоторые разночтения.
[65] Видимо, позиция Керзона объяснялась переговорами по заключению англо-советского торгового соглашения, в ходе которых представители МИД Великобритании предлагали «устраниться от участия» в судьбе балтийских стран в обмен на прекращение любой большевистской пропаганды на Среднем и Ближнем Востоке.
[66] DDF. Annexes. P. 536.
[67] DDF. 1921: Vol. 4. Tome I. P. 63. [Бриан — де Сартигу, консулам Франции в Риге и Ревеле, 26 января 1921 г.]. Несколько месяцев спустя, 22 сентября 1921 г. Латвия стала членом Лиги Наций.
[68] deus ex machina (лат.) — бог, спустившийся с небес; вмешательство высших сил.
[69] De jure // Сегодня. 1921. 28 января.
[70] Польское извещение о признании Латвии // Сегодня. 1921. 30 января.
[71] Еще одно de jure // Сегодня. 1921. 2 февраля.
[72] Америка по поводу de jure // Сегодня. 1921. 1 февраля.
[73] AAE. 98 CP COM. Z. 659/2. Папка «Латвия. Внешняя политика. 1921». [Посланник Франции в Дании П. Клодель — Бриану, 2 февраля 1921 г.]
[74] AAE. 98 CP COM. Z. 659/2. Папка «Латвия. Внешняя политика. 1921». [«Латвия сближается с большевиками». Записка Второго бюро Генштаба Франции о сведениях, полученных из заслуживающего доверия источника, 10 февраля 1921 г.]

References

Krasnoarmejcy v pol'skom plenu v 1919–1922 gg. [Red Army soldiers in the Polish camps for POW in 1919–1922. Documents. In Russ.] / Ed. by G. F. Matveev, Z. Karpus. Moscow; St. Petersburg, 2004.

KEN O. N, RUPASOV A. I. Moskva i strany Baltii: opyt vzaimootnošenij, 1917–1939. [Moscow and the Baltic Countries: lessons learnt of the relationship, 1917–1939] // *Strany Baltii i Rossiâ: obŝestva i gosudarstva.* Moscow, 2002. P. 225–256.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. 1921: Vol. 4. Tome I. (16 janvier – 30 juin). Bruxelles: Peter Lang, 2004.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. 1921: Vol. 5. Tome II. (1 juillet – 31 décembre). Bruxelles: Peter Lang, 2005.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. Annexes. (10 janvier 1920 – 31 décembre 1921). Bruxelles: Peter Lang, 2005.

Documents on British Foreign policy. 1919–1939. First Series. Vol. XV. International Conferences and Conversations. 1921. London: Her Majesty's Stationery Office, 1967.

La Première Assemblée de la Société des Nations. Lausanne, Genève: Librairie Payot, 1921.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. III. Washington: United States Government Printing Office, 1936.

Dokumenty vnešnej politiki. T. II (01.01.1920–30.06.1920) [Documents on Foreign Policy]. Moscow, 1958.

Dokumenty vnešnej politiki. T. III (01.06.1920–18.03.1921) [Documents on Foreign Policy]. Moscow, 1959.

Список литературы

Документы внешней политики СССР. Т. II. (1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г.). М., 1958.

Документы внешней политики СССР. Т. III. (1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г.). М., 1959.

Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Г. Ф. Матвеев, Карпус и др. М.; СПб.: Летний сад, 2004.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. 1920: Vol. 3. Tome III. (24 septembre 1920 – 15 janvier 1921). Bruxelles: Peter Lang, 2002.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. 1921: Vol. 4. Tome I. (16 janvier – 30 juin). Bruxelles: Peter Lang, 2004.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. 1921: Vol. 5. Tome II. (1 juillet – 31 décembre). Bruxelles: Peter Lang, 2005.

Documents diplomatiques français. Série 1920–1932. Annexes. (10 janvier 1920 – 31 décembre 1921). Bruxelles: Peter Lang, 2005.

Documents on British Foreign policy. 1919–1939. First Series. Vol. XV. International Conferences and Conversations. 1921. London: Her Majesty's Stationery Office, 1967.

La Première Assemblée de la Société des Nations. Lausanne, Genève: Librairie Payot, 1921.

Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Vol. III. Washington: United States Government Printing Office, 1936.

Т. Г. Зазерская. Неначавшаяся война и международное признание Латвии (декабрь 1920 – январь 1921 г.) (по французским и бельгийским архивным документам)

На основе документов французских и бельгийского архивов в статье рассматривается влияние возможного военного конфликта с Советской Россией зимой 1920/21 г. на признание Латвийского государства *де-юре*. Несмотря на признание британским правительством правительства Латвии *де-факто* в ноябре 1918 г., первой признала Латвийское государство *де-юре* Советская Россия – лишь в августе 1920 г. Вскоре после отказа Генеральной Ассамблеи Лиги Наций предоставить членство Латвии на латвийской границе была отмечена повышенная концентрация войск Красной армии, что было истолковано иностранными дипломатами в Риге как попытка вернуть бывшие балтийские провинции. Перед угрозой военного вторжения по инициативе французской стороны в январе 1921 г. Латвийское государство было признано союзными державами *де-юре*.

Ключевые слова: Латвия, угроза интервенции Красной армии, признание Латвии *де-юре* главами правительств Верховного союзного совета, Архив МИД Франции, Военный архив Франции, Архив МИД Бельгии, РГАСПИ, ГА РФ.

T. G. Zazerskaia. The war that never happened and the international recognition of Latvia (December 1920 – January 1921)

Based on French and Belgian archival documents this article shows the reaction of the Soviet Russia to the lack of Latvia's *de jure* recognition by the Great Powers during winter 1920. The first recognition *de facto* of the Latvian government by the government of Great Britain took place one week before the declaration of independence by the Latvian Peoples Council in November 1918. It was only in August 1920 that Soviet Russia was the first country to recognize Latvia *de jure*. Nevertheless Latvian membership in the League of Nations was refused. French and Belgian diplomats based in Latvia considered that such a refusal pushed Moscow to concentrate Red Army troops on the Latvian border in order to retrieve control over Latvia. Facing this threat French Foreign minister agreed to review the recognition of Latvia from *de facto* to *de jure* on January 1921.

Key words: Latvia, threat of intervention of the Red Army, *de jure* recognition of Latvia by the Supreme Council of the Allied Powers, Archives du Ministère des Affaires Etrangères de France, Service historique de la Défense, Archives du Ministère belge des Affaires étrangères, RGASPI, GA RF.

Зазерская, Татьяна Георгиевна – к. и. н., докторант Российского государственного гуманитарного университета.

Zazerskaia, Tatiana – PhD in History, Doctoral studies at the Russian State University for the Humanities.

E-mail: zazerskaya.tatiana@gmail.com